

МЕЖДУВРЕМЬЕ

— КНИГА ПЕРВАЯ —

ПЕРСТЕНЬ ВЕЛЬЗЕВУЛА

— РОМАН —

Роман Василенко Междувремье. Перстень Вельзевула

<https://litres.ru/74382909>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре эпохи. Четыре правды. Один артефакт, способный переписать историю.

Расследуя исчезновение детей, полицейский Дэниел Уорд находит дверь, которой не должно существовать, и оказывается втянут в войну за Перстень Вельзевула. Вместе со средневековой воительницей Элис, римским легионером Марком Элием Варроном и солдатом из погибающего будущего Наташей Майчус он должен остановить человека, способного превращать прошлое в оружие.

Но чем сильнее герои вмешиваются во время, тем страшнее становится цена спасения. Если уничтожить катастрофическое будущее, исчезнут и люди, для которых оно уже стало домом.

«Междувремье. Перстень Вельзевула» — мрачный фантастический роман о путешествиях во времени, цене выбора и праве человека менять историю.

Роман Василенко Междувремье. Перстень Вельзевула

МЕЖДУВРЕМЬЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Перстень Вельзевула

РОМАН

Полная рукопись · 52 главы

Мы просим прошлое простить нас лишь затем,

чтобы снова сделать с ним всё, что пожелаем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДВЕРЬ

ГЛАВА 1

Младенец

Младенец не плакал.

Для операции это было хорошо. Для сержанта Дэниела Уорда — плохо.

Он лежал на мокром бетоне между штабелем пластиковых ящиков и стеной старого рыбного терминала, чувствуя, как вода медленно пропитывает рукав под бронепластиной. Впереди, за сетчатой дверью ангара, порт Корнуэвика растворялся в предрассветном тумане. Краны торчали из него, как виселицы. Красные огни на стрелах то появлялись, то исчезали, и всякий раз Дэниелу казалось, будто кто-то огромный, стоящий в море, медленно моргает.

В наушнике дышали семь человек.

Восьмое дыхание принадлежало женщине у причала. Констебль Лора Пайк играла мать, решившую продать сына людям, которые уже дважды увозили детей из Корнуэвика. На ней было дешёвое пальто, купленное в благотворительном магазине, парик с непрокрашенными корнями и микрофон, пришитый к внутреннему шву воротника. В коляске лежала кукла с подогревом, дыхательным мешком и крошечным динамиком, способным заплакать по команде.

Команду так и не дали.

— «Маяк-два», вижу фургон, — прошептал наблюдатель с крыши. — Серый «мерседес», номера совпадают. Шесть... нет, семь мужчин. Один остаётся за рулём.

Дэниел прикрыл глаза и прислушался к шагам снаружи.

Невозможно было услышать семь пар ног через стену, ветер и рокот дизеля у соседнего пирса. И всё же он всегда слушал. Перед выстрелом мир делался простым: расстояние, угол, поверхность, за которой может оказаться человек. До выстрела он ещё мог позволить себе сомнения.

— Всем постам, готовность, — сказала инспектор Холт.
— Работаем только по моему сигналу.

Дэниел проверил предохранитель карабина. Слева от него молодой констебль Хейз едва заметно пошевелил пальцами — не то перекрестился, не то стряхнул воду с перчатки.

— Дыши, — сказал Дэниел.

— Я и дышу.

— Это приказ, а не диагноз.

Хейз беззвучно усмехнулся. В наушнике щёлкнул чужой канал, затем снова осталось только дыхание Лоры.

Семеро мужчин вышли из тумана почти одновременно. Серые куртки, тёмные брюки, одинаковые короткие стрижки. Не банда с улицы и не перепуганные посредники. Они двигались так, будто много раз репетировали эту встречу. Двое разошлись к краям причала. Ещё двое остались возле фургона. Один нёс небольшой чёрный чемодан.

Последним шёл человек без куртки.

На нём был строгий тёмный костюм, совершенно не подходивший ни погоде, ни месту. Высокий, худой, лет сорока пяти. Его светлые волосы намокли, но он не пытался убрать их со лба. На правой руке не хватало мизинца. Дэниел знал

его лицо по фотографиям, сделанным камерами в портах Дувра, Роттердама и Гавра. На каждой фотографии человек смотрел точно в объектив, словно видел наблюдателя по другую сторону стекла.

Сайлас Вейн.

Имя, вероятнее всего, было ненастоящим. Как и паспорт. Как и дата рождения.

Лора сделала шаг навстречу.

— Вы опоздали.

— Нет, — ответил Вейн. Голос микрофон передал удивительно чисто. — Это вы пришли слишком рано.

Он остановился в трёх шагах от коляски. Человек с чемоданом раскрыл крышку. Внутри лежали аккуратные пачки банкнот.

Лора посмотрела на деньги так, как её учили: жадность, стыд, страх — всё сразу, но понемногу. Она хорошо играла. Дэниел видел её за час до операции, когда она молча прикрепляла к запястью браслет с именем выдуманного ребёнка. Тогда руки у неё не дрожали.

Теперь дрожали.

— Сначала я должна знать, что с ним будет.

Вейн наклонил голову.

— Нет. Сначала вы должны решить, принадлежит ли он вам.

— Он мой сын.

— Тогда зачем вы здесь?

Лора сглотнула. Очень правдоподобно. Возможно, уже не играла.

— Мне нужны деньги.

— Деньги всегда нужны живым. — Вейн улыбнулся. — Доставайте.

В наушнике раздалось тихое:

— Ждём передачи. Всем ждать.

Лора откинула край одеяла и взяла куклу под голову. Механизм внутри мерно поднимал грудь. На щеке блестела капля искусственной слюны. Человек с чемоданом потянулся за свёртком, но Вейн остановил его одним движением.

— Я сам.

Кукла оказалась у него на руках.

Он держал её бережно. Слишком бережно для человека, которого полиция связывала с исчезновением девяти детей и подозревала ещё в двадцати трёх случаях по всей Европе. Вейн качнул свёрток, глядя в пластиковое лицо. Большой палец лёг на шею, туда, где под силиконовой кожей пульсировала тонкая трубка.

Дэниел видел только его профиль, но понял всё раньше, чем Лора отступила.

Вейн поднял глаза прямо на ангар.

Не на крышу, где лежал наблюдатель. Не на прожектор. На сетчатую дверь, за которой прятался Дэниел.

— Мёртвые дети молчат иначе, сержант Уорд, — сказал он.

Лора ударила его в горло.

Одновременно погас свет.

Не только в ангаре — во всём порту. Умерли прожекторы, окна диспетчерской, красные огни кранов. Туман проглотил причал, и первая очередь прозвучала в полной темноте.

— Полиция! Оружие на землю!

Кто-то закричал. Зазвенело стекло. Дэниел толкнул Хейза вниз прежде, чем пули прошли сетчатую дверь на высоте их голов. Включились фонари на оружии. Белые лучи заматались по ящикам, воде и человеческим лицам.

Вейн уже не держал куклу. Она лежала на бетоне, отвернув неподвижную голову к морю.

Дэниел увидел стрелка возле фургона: плечо, короткий автомат, палец на спуске. Приклад карабина упёрся в бронепластину. Один выстрел. Стрелок исчез за капотом.

Справа человек в серой куртке целился в Лору. Между ними метался один из портовых рабочих, которого не должно было здесь быть. Дэниел сместился на полшага. Мир сузился до трёх линий, и только одна не проходила через затылок рабочего.

Второй выстрел.

Пистолет выпал из руки человека в сером. Сам он упал на колени, зажимая плечо.

— Лора, вниз!

Она скользнула за бетонный кнехт. Пуля ударила туда, где мгновение назад была её грудь.

Дэниел выстрелил в третий раз.

На другом конце причала Вейн смотрел на него сквозь дождь и перекрёстные лучи фонарей. В его лице не было страха. Только внимание исследователя, получившего нужный результат.

Он коснулся двумя пальцами лба — почти дружеский салют — и шагнул назад, в туман.

— Главный уходит к фургону! — крикнул Дэниел.

— «Маяк», перекрыть выезд!

Ответа с улицы не последовало. Вместо него в наушниках протянулся низкий звук, похожий на церковный колокол, услышанный под водой.

Дэниел на секунду потерял равновесие. Перед глазами возникла дверь: низкая, почерневшая, с железной скобой вместо ручки. Он никогда её не видел и всё же знал, в какую сторону она открывается.

Потом наушник ожил голосом Хейза:

— Сержант!

У дальних ворот взревел двигатель.

Дэниел выбежал из ангара. Двое людей Вейна лежали возле фургона, один стонал, второй не двигался. Остальные бросили оружие или были прижаты огнём к причалу. Серый «мерседес» снёс заграждение и ушёл между складами. За рулём сидел Вейн.

— Уорд, позицию не покидать! — приказала Холт.

Дэниел увидел Лору. Она была жива. Хейз уже затягивал

пластиковую стяжку на запястьях раненого стрелка. Другие группы входили на причал с двух сторон.

— Главный подозреваемый уходит, — сказал Дэниел.

— Машины возьмут его. Оставайтесь на месте.

В этот момент за складами прогремел удар металла о металл, затем в эфире раздался голос водителя первой машины:

— Он пробил внешний пост! Едет на север по Ривер-стрит. Повторяю, на север!

Холт выругалась.

Дэниел уже бежал к своему автомобилю.

• • •

Корнуэвик просыпался нехотя.

Мокрые фасады ещё не успели решить, отражать ли им серое утро. У круглосуточной пекарни грузчик застыл с подносом хлеба в руках, когда мимо пронёсся «мерседес», а следом полицейская машина с синими огнями. На Ривер-стрит портовые склады сменились стеклянными офисами, потом старыми кирпичными домами. Узкая река появлялась между ними и снова пропадала.

Вейн ехал быстро, но не пытался оторваться.

Дэниел понял это после третьего поворота. Преступник мог уйти на магистраль, раствориться среди утренних фур, бросить машину в тоннеле. Вместо этого он выбрал старую часть города, где улицы сходились к холму Святого Албана.

— Он ведёт меня, — сказал Дэниел.

— Что? — спросила Холт в наушнике.

— Подозреваемый намеренно держится в поле зрения.

— Тогда не геройствуй. Две группы в минуте позади.

Серый автомобиль пересёк площадь на красный. Автобус вывернул из боковой улицы. Вейн даже не затормозил — прошёл перед его бампером на расстоянии ладони. Дэниел нажал на тормоз, пропуская автобус, и потерял три секунды.

Когда снова увидел «мерседес», тот уже поднимался по Кладбищенскому проезду.

К Старой церкви.

Она стояла закрытой девять лет. Каменная колокольня накренилась после просадки грунта, приход перевели в новое здание, а городской совет бесконечно спорил, кому платить за укрепление фундамента. В детстве Дэниел приходил сюда с отцом. Тот реставрировал дубовые панели и показывал сыну насечки на камнях — знаки людей, умерших задолго до того, как у города появилось нынешнее имя.

«Здания помнят не потому, что у них есть память, — говорил отец. — Просто людям не хватает жизни, чтобы увидеть, как они забывают».

«Мерседес» пробил цепь у ворот, проехал по заросшей дорожке и врезался в каменную ограду. Под капотом вздулся белый пар.

Дэниел остановился поперёк выезда. Дверь водителя была открыта. На мокрой траве темнели капли крови.

— Машина обнаружена у Святого Албана. Подозреваем

мый ранен, ушёл внутрь.

— Ждать подкрепление, — ответила Холт. — Это приказ.

Из церкви донёсся один выстрел.

Потом детский плач.

Тот самый механический плач, записанный для куклы. Но кукла осталась в порту за две мили отсюда.

Дэниел выбрался из машины.

— Уорд, подтвердите приказ.

— Подтверждаю.

Он снял карабин с ремня и пошёл к церкви.

• • •

Боковая дверь была сорвана с петель. За ней пахло пылью, мокрым деревом и голубиным помётом. Фонарь выхватил накрытые чехлами скамьи, леса у северной стены, пустое место, где когда-то висело распятие.

— Вооружённая полиция! — крикнул Дэниел. — Бросьте оружие и покажите руки!

Ответом стал плач.

Он шёл из-за алтаря — ровный, повторяющийся через одинаковые промежутки. Не ребёнок. Запись.

Дэниел двинулся вдоль стены. Под ботинком хрустнуло цветное стекло. На фрагменте витража уцелел глаз святого — синий, без зрачка.

Кровь Вейна тянулась через неф к старой ризнице. Её было больше, чем у машины. Человек с такой раной не должен был двигаться быстро, но след не прерывался и не сбивался.

Капля за каплей, словно кто-то отмерял дорогу.

У входа в ризницу лежал чёрный телефон. Из динамика плакала кукла.

Дэниел не прикоснулся к нему.

— Вейн!

— Вы всё-таки пришли, — отозвался голос за стеной.

— Выйдите с поднятыми руками.

— Вы ведь понимаете, что я мог уйти.

— Повернётесь спиной — узнаете, насколько хорошо я это понимаю.

Тихий смех.

Ризница была пуста. Старые шкафы стояли открытыми, на полу валялись сгнившие облачения и бухгалтерские книги прихода. Кровавый след упирался в деревянную панель за шкафом.

Дэниел помнил эту стену. Его отец снимал с неё резной карниз. За панелью была только кладка.

Теперь там находилась дверь.

Низкая, почерневшая, с железной скобой вместо ручки.

Та самая, которую он увидел в порту за закрытыми глазами.

— Что вы сделали? — спросил Дэниел.

— Я? Ничего. Двери существуют без нашего разрешения.

Голос Вейна доносился с другой стороны. Между досками пробивался тусклый зеленоватый свет.

Дэниел нажал кнопку связи.

— Подозреваемый за внутренней дверью в ризнице. Возможен второй выход. Подхожу.

В наушнике был только колокол под водой.

Он потянул скобу.

Дверь поддалась легко, почти охотно.

За ней не оказалось ни коридора, ни кладовой. Дэниел увидел обрушенную стену церкви, голые балки и небо цвета старого синяка. В проёме кружились серые хлопья. Один упал на перчатку. Не снег — пепел.

Вдалеке, там, где должны были гореть окна Литтл-Сити, стояли чёрные башни без стёкол. Между ними медленно поворачивался ржавый остов ветряка. Река вышла из берегов и затопила кварталы. Из воды торчала верхушка знакомого памятника королеве, покрытая белыми наростами.

На камнях перед дверью блестела свежая кровь.

Вейн уходил по руинам.

Дэниел оглянулся. За спиной оставалась ризница: пыльная, тёмная, настоящая. Через несколько минут сюда войдут его люди. Если он закроет дверь и станет ждать, подозреваемый исчезнет. Возможно, навсегда.

Если шагнёт наружу, перестанет понимать хоть что-нибудь.

Вейн обернулся в пятидесяти ярдах от церкви.

— Вы всегда выбираете цель, сержант! — крикнул он. — Попробуйте хоть раз выбрать время!

Дэниел переступил порог.

За его спиной захлопнулась дверь.

ГЛАВА 2

Город, которого нет

Первым исчез звук дождя.

Не стих — исчез, будто кто-то выдернул провод. Дэниел слышал собственное дыхание, шорох пепла по бронежилету и далёкий скрежет металла. Воздух пах гарью, сырой известью и ещё чем-то сладким, больничным. Дозиметра у него не было, но кожа на лице уже предупреждала о том, чего не могли увидеть глаза.

Он повернулся к двери.

Она оставалась на месте: те же почерневшие доски, та же скоба. Только теперь дверь была вставлена в обломок стены, вокруг которого лежала крыша церкви. От колокольни уцелела половина. Колокол, расколотый от падения, врос краем в землю.

Дэниел потянул скобу.

Заперто.

— Конечно, — сказал он.

В наушнике трещало. На экране нагрудной камеры мигал красный значок ошибки. Телефон показывал отсутствие сети и дату 1 января 1970 года. Компас крутился, не находя севера.

Вейн стоял среди руин и ждал.

Раненую руку он прижал к боку. Кровь пропитала рубашку, но лицо оставалось спокойным. За ним начиналась улица, которую Дэниел постепенно узнал как Кладбищенский проезд. Только кладбища больше не было. Могильные плиты пошли на баррикаду, перекрывшую дорогу, а из склепов торчали трубы печей.

— На колени, — приказал Дэниел. — Руки за голову.

Вейн посмотрел на карабин.

— Семь патронов.

— Вам хватит одного.

— Не спорю. Для вас это вообще семейное.

Дэниел сделал шаг.

— На колени.

Вейн подчинился неожиданно легко. Сел в пепел, переплёл пальцы на затылке. На безымянном пальце его правой руки белел круглый шрам — кожа там была гладкой, словно кольцо выжгли вместе с мясом.

— Лицом вниз.

— Если наденете на меня наручники, мы оба умрём.

— Это не первый раз, когда мне обещают.

— Но первый, когда обещают честно.

Слева, за баррикадой, щёлкнул камень.

Дэниел не повернул головы. Вейн улыбнулся.

— Они охотятся по взгляду. Посмотрите на одного — остальные поймут, что вы их видите.

— Кто «они»?

— Жители города.

Ещё один щелчок. Ближе.

Дэниел заметил движение в отражении разбитой автомобильной фары. Между плитами полз человек. Сначала он так и подумал: человек, истощённый, в обрывках одежды. Потом существо подняло голову.

Лицо было человеческим лишь там, где его прикрывала грязь. Нижняя челюсть разрослась и выдвинулась вперёд, зубы торчали в несколько рядов. Кожа вокруг глаз стала прозрачной, и под ней двигались тёмные прожилки. На шее висела цепочка с детским пластмассовым крестом.

Существо не сводило глаз с Вейна.

— Не смотрите, — прошептал тот.

Из развалин ответило гортанное покашливание.

Десятки голосов.

Вейн бросился в сторону.

Дэниел выстрелил в землю перед ним.

Звук расколол тишину. В тот же миг существа поднялись со всех сторон — из перевёрнутого автобуса, из-под плит, из окон бывшего дома викария. Они не бежали прямо. Перескакивали с опоры на опору, иногда касаясь земли всеми четырьмя конечностями.

Первое метнулось к Дэниелу.

Он выстрелил дважды. Существо развернуло, ударило о стену, но за ним уже прыгало второе. Третий выстрел. Пуля попала в висок. Дэниел отступал к двери, не выпуская Вейна

из поля зрения.

Тот бежал вдоль баррикады, зажимая рану. Существа не трогали его. Они огибали человека в тёмном костюме так же, как вода огибает торчащий камень.

— Вейн!

Он обернулся.

— Теперь вы знаете дорогу, сержант. Осталось узнать цену.

Существо ударило Дэниела сбоку. Бронепластина выдержала, ноги — нет. Он упал на колени. Карабин дёрнулся на ремне. Пасть клацнула у самого лица, пахнуло тухлым мясом. Дэниел вдавил предплечье в горло твари и нажал спуск почти в упор.

Пятый патрон.

Тело обмякло. Он сбросил его и поднялся.

Вейна уже не было.

Из-за баррикады показалось ещё пять существ. За ними шли маленькие. Одно было в выцветшей школьной форме.

Дэниел не выстрелил сразу, и этой половины секунды оказалось достаточно. Большая тварь прыгнула с крыши автомобиля. Он вскинул карабин, нажал спуск.

Шестой.

Попал в плечо, не остановил.

Седьмой.

Щелчок затвора прозвучал раньше, чем существо рухнуло у его ног.

Дэниел отпустил карабин, выхватил пистолет. Пятнадцать патронов. Он начал отходить к церкви. Дёрнул дверь левой рукой — безрезультатно.

— Давай, — сказал он ей. — Ты ведь хотела, чтобы я вошёл.

Железная скоба была холодной.

Существа приближались медленно. Теперь они знали, что добыче некуда уйти.

Дэниел выстрелил в ближайшее. Потом в следующее. Он не промахивался, но впервые в жизни понимал бессмысленность точности. Патронов было пятнадцать. Существ — больше тридцати. За ними в развалинах двигались другие.

Одиннадцатый патрон.

Двенадцатый.

На спусковом крючке легла тяжесть, которой там не должно было быть. Не сопротивление механизма — чужая воля. Ствол сам сместился вправо, к обрушенной колокольне.

На вершине стены стояла женщина.

Шлем скрывал лицо, серый бронекастюр делал фигуру шире и выше. В руках она держала короткое оружие с толстым прямоугольным стволом. На нагрудной пластине белой краской были выведены три полосы и слово, которое Дэниел не успел прочитать.

Пистолет целился ей в сердце.

Он попытался отвести руку. Мышцы не послушались.

Женщина прыгнула вниз.

Дэниел рванул запястье второй рукой. Выстрел ушёл в камень в нескольких дюймах от её головы.

Она перекатилась, поднялась на одно колено и открыла огонь.

Оружие не грохотало. Каждый выстрел сопровождался сухим ударом воздуха и белой чертой, мгновенно связывавшей ствол с целью. Существо слева от Дэниела лишилось половины груди. Следующее отбросило на автомобиль. Третье вспыхнуло изнутри, на секунду превратившись в красный бумажный фонарь.

— К двери! — крикнула женщина.

— Она закрыта!

— Потому что ещё не проголодалась. Дай ей кровь!

— Чью?

— Свою, если не хочешь отдать мою!

Она сменила магазин. Существа рассыпались, прячась за баррикадой. Несколько секунд — не больше.

Дэниел посмотрел на свою руку. Край перчатки был разорван, но кожа цела. Он вытащил складной нож, полоснул ладонь и прижал её к двери.

Доски вздрогнули.

Под рукой проступил узор — четыре окружности, пересечённые одной вертикальной линией. Дэниел видел такой знак в материалах дела: его вырезали на стене комнаты, из которой пропали близнецы Бреннан.

Железная скоба потеплела.

— Открывай! — крикнула женщина.

Он потянул. За дверью снова была ризница — целая, тёмная, залитая дождливым утренним светом из коридора.

— Идёмте!

Женщина не двигалась. Она стояла спиной к Дэниелу и стреляла по существам, показавшимся из укрытий.

— Вы меня слышите?

— К сожалению.

— Тогда сюда!

— Мне нельзя.

— Почему?

— Потому что ты ещё не сделала то, из-за чего я родилась.

Оружие снова замолчало. Женщина отбросила его на ремне и выхватила из крепления на бедре длинный нож. Первое существо налетело на неё. Она ушла в сторону, всадила клинок под подбородок, оттолкнула тело ногой.

— Кто вы?

— Майор Майчус. Наташа Майчус.

Она ударила вторую тварь локтем, но третья вцепилась в наплечник. Когти заскрежетали по броне.

Дэниел шагнул обратно из дверного проёма и выстрелил ей за плечо.

Существо упало.

Наташа резко повернула голову.

— У тебя же кончились патроны.

— В карабине.

— Предки, — сказала она с непонятной злостью. — Никогда не слушают.

Она подняла оружие и выпустила в баррикаду три быстрых заряда. Камни взорвались пылью, перекрыв проход. Потом подбежала к Дэниелу и толкнула его в грудь так, что он оказался по другую сторону двери.

Сама осталась в будущем.

— Послушай меня, Уорд. У нас секунд двадцать. Может, меньше.

Теперь он разглядел глаза за прозрачным забралом — серые, усталые, знакомые не лицом, а выражением. Так его отец смотрел на сломанную вещь, которую ещё можно было починить, если не жалеть рук.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Из семейной Библии. Из военного архива. С камня, который мы ставим тебе каждый год и который ты пока не заслужил.

— Какой сейчас год?

— Две тысячи девяносто седьмой.

Ответ оказался хуже, чем если бы она не ответила.

Дэниел оглянулся на ризницу. Пыль плавала в утреннем свете. В коридоре уже слышались голоса полицейских, далёкие и искажённые, словно через толстое стекло.

— Это Корнуэвик?

— Был им. Иногда снова бывает.

— Что произошло?

— Вы.

— Кто — мы?

— Все, кто хотел исправить мир.

За спиной Наташи зашевелились камни. Из-под баррикады показались длинные пальцы.

Она сорвала с шеи металлическую пластину и бросила Дэниелу. Он поймал её окровавленной ладонью. На пластине были выбиты имя, номер и четыре цифры: 2060–2097.

— Вы умерли, — сказал он.

— Ещё нет.

— Здесь написано...

— Здесь много чего написано. Время не обязано быть последовательным только ради твоего удобства.

— Вейн. Человек, которого я преследовал. Куда он ушёл?

— За Перстнем.

— За каким перстнем?

Наташа посмотрела на его пистолет.

— За тем, который только что пытался заставить тебя убить меня.

Дэниел вспомнил тяжесть на спуске. Ствол, самостоятельно нашедший её сердце. На пальце Вейна — белое кольцо шрама.

— Я не ношу перстней.

— Он носит тебя.

За баррикадой закричали. Не звери — люди. Короткие команды, хлопки выстрелов. На стене вспыхнул красный луч.

Наташа пригнулась.

— Мои добрались. Уходи.

— Вы идёте со мной.

— Если я войду сейчас, то могу стереть собственную причину войти потом. Я не настолько люблю парадоксы.

— Я вернусь за вами.

Она засмеялась. Один короткий выдох.

— Именно этого я и боюсь.

Голоса полицейских стали громче.

— Дэниел! — кричал Хейз. — Сержант, вы здесь?

Наташа шагнула назад. Дверь начала закрываться сама.

— Когда Сэмюэл Локри скажет, что хочет спасти нас, спроси, кого он называет «нами».

— Кто такой Локри?

— Человек, который уже идёт к тебе.

Щель между мирами сузилась. На мгновение Дэниел увидел позади Наташи не руины, а залитую солнцем улицу. Там росли каштаны, по тротуару ехала девочка на велосипеде и на месте разрушенной церкви стоял жилой дом с синими балконами. Потом картинка дрогнула. Улица исчезла, вернулся пепел.

Лицо Наташи исказилось от боли.

— Что это было?

— Кто-то тронул прошлое.

Дверь захлопнулась.

Со стороны ризницы на Дэниела навалился холод. Коле-

ни подогнулись. Он успел сунуть пластину под бронежилет, прежде чем в комнату ворвались Хейз и ещё двое полицейских.

— Оружие вниз! — крикнул кто-то.

Дэниел посмотрел на них и не сразу понял, почему форма кажется неправильной. На нагрудниках вместо знакомого герба был изображён серебряный лев. Хейз носил усы, которых час назад у него не было.

Дэниел моргнул.

Герб снова стал прежним. Усы исчезли.

— Сержант? — Хейз опустил ся рядом. — Господи. Что с вашей рукой?

— Дверь, — сказал Дэниел.

За деревянной панелью была сплошная каменная кладка.

— Какая дверь?

Дэниел хотел ответить, но пол качнулся и ударил его в лицо.

Последним, что он почувствовал, был металлический жетон Наташи на груди.

Он становился горячим.

ГЛАВА 3

Те, кого называют нами

Дэниел пришёл в себя оттого, что незнакомый старик ел его виноград.

Тот сидел у окна больничной палаты, поставив трость между коленями, и с сосредоточенным видом выбирал ягоды из пластикового стаканчика. Был он худ, прям и одет в чёрный костюм старого покроя. Седые волосы зачёсаны назад. На безымянном пальце — простое обручальное кольцо, слишком свободное для иссохшей руки.

Увидев, что Дэниел открыл глаза, старик сорвал ещё одну ягоду.

— Кислый, — сообщил он. — Не советую.

Дэниел попытался сесть. В левую руку от ладони до локтя словно насыпали битого стекла. Горло пересохло. На груди под больничной рубашкой тянули провода.

— Кто вы?

— Человек, которому ваш лечащий врач запретил вас волновать.

— Тогда начните с выхода.

— Я предложил то же самое врачу. Он почему-то обиделся.

Старик поставил стаканчик на тумбу и нажал кнопку вызова. Дэниел проследил за его рукой. Под пиджаком обозначилась плоская кобура.

— Ваша очередь, — сказал старик. — Как вас зовут?

— Вы знаете.

— Конечно. Проверяю, знаете ли вы.

Дэниел назвал имя, дату рождения, звание и адрес. После адреса пришлось остановиться: дом представлялся то кир-

пичным, то оштукатуренным белым; в одном воспоминании перед окном рос вяз, в другом на его месте стояла телефонная будка.

Старик заметил паузу.

— Два образа?

— Что?

— Ничего. Продолжайте.

Вошла медсестра. Дэниел видел её впервые, но знал, что зовут её Меган и что у неё трое детей. В следующую секунду имя исчезло из памяти. На бейдже было написано «Сара Дойл».

Она проверила приборы, посветила в глаза и задала обычные вопросы. Головная боль? Тошнота? Двоение? Необычный вкус во рту?

— Железо, — сказал Дэниел.

Медсестра переглянулась со стариком.

— Это нормально, — сказал тот.

— Вы врач? — спросил Дэниел.

— Боже упаси.

Сара попросила Дэниела не вставать и вышла. Дверь за ней закрылась почти бесшумно.

— Где жетон? — спросил Дэниел.

Старик не стал притворяться, что не понял. Достал из кармана металлическую пластину и положил на одеяло.

НАТАША МАЙЧУС. Номер. Группа крови. Внизу — 2060–2097.

Края жетона почернели. Теперь на металле была ещё одна царапина, которой Дэниел не помнил: тонкая линия делила дату смерти надвое.

— Вы Сэмюэл Локри.

— Значит, майор успела представиться. Вежливость пережила конец света — обнадеживает.

— Она говорила так, будто знает вас.

— Наташа знает одну из моих версий. По большей части покойную.

— А вы знаете её?

— По большей части — покойную.

Дэниел снял датчик с пальца. Прибор возмущённо записал.

— Закройте дверь с той стороны.

— Вы хотите остаться один или чтобы я вышел?

— Я хочу позвать охрану.

— Охрана сейчас пьёт кофе на первом этаже. Инспектор Холт заполняет шестую версию отчёта. Ваш констебль Хейз рассказывает психиатру, почему нашёл вас в помещении без входа. А четверо задержанных в порту не говорят ни на одном языке, известном переводчикам. У одного отпечатки пальцев человека, умершего в тысяча девятьсот восемьдесят шестом. У второго нет отпечатков вообще. Третий за последние два часа постарел примерно на семь лет. Четвёртый попросил священника и съел крест, который ему принесли.

Дэниел смотрел на него.

— Так что, — продолжил Локри, — охрана несколько занята.

— Сколько я был без сознания?

— Девятнадцать часов.

— Вейн?

— Не найден.

— Погибшие?

— Двое из его людей. Полицейские живы. Портовый рабочий отделался порезом и теперь считает себя избранником Божьим. Возможно, так оно и есть, но это обычно проходит.

— Лора Пайк?

— Цела. Очень сердита на вас за нарушение приказа.

Дэниел откинулся на подушку. Только теперь он позволил себе выдохнуть.

За окном стоял Корнуэвик: больничная парковка, многоэтажные дома, шпиль Новой церкви. Небо было чистым, неожиданно голубым. На крыше соседнего корпуса рабочие устанавливали солнечные панели.

Он помнил, что вчера на этой крыше была вертолётная площадка.

— Что со мной происходит?

Локри посмотрел в окно.

— В пятнадцатом веке кто-то только что убедил епископа не продавать участок земли монастырю. Через пятьсот лет на участке построили не вертолётную площадку, а дополни-

тельное крыло больницы. Перемена незначительная. История любит начинать с мелочей.

— Я помню оба варианта.

— Пока.

— Почему?

— Потому что вы прошли через порог во время волны. Представьте, что ваша память — надпись на мокрой глине. История пишет поверх старых букв. Первое время они видны. Потом остаётся только новая строка.

— А жетон?

— Металл добыт после Прорыва. В нём есть примеси, которых в наше время ещё не существует. Такие предметы сопротивляются переписи дольше людей.

Дэниел взял пластину. Она была холодной.

— Где дверь?

— Там же, где всегда. Просто не всегда там, где вы её оставили.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ, который у меня есть.

Локри поднялся и подошёл к окну. Двигался он без старческой неуверенности; трость, похоже, была нужна не ногам, а образу.

— Две тысячи лет люди строят храмы на местах, которые считают священными. Они думают, что выбирают красивый холм, источник или древнее захоронение. На самом деле некоторые места выбирают людей. В Корнуэвике таких

мест пять. На каждом новый храм поглощал часть прежнего: камень алтаря, фундамент, порог. Через эти пороги можно выйти в четыре периода жизни города.

— Почему четыре?

— Если узнаете, сообщите. Я потратил на этот вопрос тридцать два года и две печени.

— Перестаньте шутить.

Локри повернулся.

— Если я перестану, сержант, всё это станет реальностью. На несколько секунд в палате остался только ровный писк монитора.

Дэниел положил жетон на тумбу.

— Начните сначала. Кто такой Вейн?

— Не знаю.

— Вы пришли сюда с оружием, знаете о двери, о будущем, о женщине, которая ещё не родилась, но не знаете главного подозреваемого?

— Я знаю его имена. Сайлас Вейн — одно из семнадцати. В тысяча четыреста пятьдесят третьем он называл себя братом Лазарем. В триста шестьдесят седьмом — переводчиком Аластаром. В будущем его зовут Пилигримом. Но имя и человек — не одно и то же. Мы не знаем, родился ли он вообще.

Локри достал из внутреннего кармана прозрачный пакет. Внутри лежал сложенный лист пергамента, покрытый бурыми пятнами. Он развернул его на столике.

Рисунок был сделан углём. Толпа у костра, всадники, городской герб старого вида. В центре стоял человек в длинной одежде. Художник плохо передал пропорции и всё же лицо узнавалось: высокий лоб, тонкий нос, светлые волосы.

На правой руке не хватало мизинца.

— Датировка? — спросил Дэниел.

— Пергамент, чернила и пятна крови — середина пятнадцатого века. Рисунок нашли в девятнадцатом под полом церкви Святого Албана. Сто лет он считался изображением проповедника. Пока Вейн не попал на камеры в Дувре.

— Допустим.

— Не допускайте. Проверяйте. Недоверие — единственное качество, за которое я готов платить вам хорошие деньги.

— Вам?

— Службе Надзора. Формально она подчиняется Святому престолу. Практически Святой престол предпочитает не знать половины того, что мы делаем, а вторую половину исповедовать под чужими именами. Наше современное подразделение называется Полицией Времени.

— «Таймкопы»?

Локри поморщился.

— Это слово придумал американец. Мы его уволили, но слово осталось.

— И вы предлагаете мне вступить.

— Нет. Предлагают там, где можно отказаться.

Дэниел медленно повернул голову.

— Это угроза?

— Констатация. Вы уже видите изменения. Вейн знает ваше имя. Дверь приняла вашу кровь. Перстень попытался воспользоваться вашей рукой. Вернуться к дорожным авариям и семейным скандалам вы не сможете, даже если очень постараетесь.

— Какой Перстень?

Локри снова сел. На этот раз не взял виноград.

— Перстень Вельзевула. Один из предметов, через которые чужая воля может действовать в нашем мире. Его уничтожили в Корнуэвике больше пятисот лет назад. Это задокументировано семью свидетелями, двое из которых умерли от одного взгляда на него. Проблема в том, что спустя пятьсот лет люди научились возвращаться к мгновению до уничтожения.

— Вейн хочет его спасти.

— Уже спасает. Времена глаголов здесь превращаются в издевательство.

— Что делает Перстень?

— Находит цель.

Дэниел вспомнил, как пистолет тянулся к Наташе.

— Я никогда его не видел.

— Это не обязательно. Некоторые долги переходят по наследству.

Локри коснулся экрана телефона. На нём появилось фо-

то: Дэниел на полицейском стрельбище шесть лет назад. Мишень с одной рваной дырой в центре. Следующий снимок — соревнования кадетов, снова одна дыра. Потом газетная вырезка о вооружённом ограблении. Пуля Дэниела прошла через щель между дверью автомобиля и рамой, остановив водителя.

— Вы изучали меня.

— Мы изучали вашу семью. Дольше, чем вы живёте.

— Отец?

— Плотник и реставратор. Прекрасный стрелок, хотя ненавидел оружие. Дед — армейский снайпер, после войны ни разу не взял в руки винтовку. Прадед выигрывал соревнования лучников. И так далее, пока документы не становятся легендой о человеке по имени Робин.

— Робин Гуд.

— Не льстите семье. Ваш Робин грабил только тех богатых, кого мог догнать, и раздавал бедным лишь то, что не удавалось продать.

— Вы всерьёз связываете мою стрельбу со средневековым кольцом?

— Я всерьёз связываю её с договором, заключённым человеком, который хотел, чтобы его потомки никогда не промахивались.

— И что он отдал взамен?

— Вот это нам предстоит выяснить раньше Вейна.

Локри говорил спокойно, но в последней фразе Дэниел

услышал ложь. Не прямую — пропуск. Старик знал цену или хотя бы боялся назвать её.

— Зачем им дети?

Впервые выражение Локри изменилось. Он посмотрел на пакет с рисунком, будто предпочёл бы отвечать изображённому там человеку.

— Переходы не любят тех, у кого есть место в истории. Чем больше связей — родители, документы, люди, которые помнят имя, — тем труднее протащить человека против течения. Культы нужны дети, ещё не вписанные в мир. Новорождённые без регистрации. Проданные. Украденные. Они называют их чистыми страницами.

Дэниел почувствовал, как под бинтом пульсирует ладонь.

— Что с ними делают?

— Пишут двери.

— Где пропавшие дети?

— В разных веках. Некоторые, возможно, ещё живы.

— «Возможно»?

— Это не обещание. Обещания — валюта шарлатанов и кандидатов на выборах.

— Но вы знаете, как их искать.

— Да.

— Тогда чего ждёте?

Локри едва заметно улыбнулся.

— Когда вы перестанете задавать этот вопрос и начнёте одеваться.

• • •

Инспектор Холт пришла через десять минут после того, как Локри вышел. Вид у неё был такой, будто за эти девятнадцать часов она успела поседеть, покрасить волосы и снова поседеть.

— Врач сказал, ты жив, — произнесла она вместо приветствия.

— Обычно они начинают с хороших новостей.

— Хорошие закончились в порту.

Она закрыла дверь и положила на тумбу служебное удостоверение Дэниела. Не вернула — именно положила между ними.

— Ты проигнорировал прямой приказ. Вошёл в неразведанное здание без поддержки. Сделал тринадцать выстрелов внутри церкви, хотя эксперты нашли только четыре пули. Исчез с камеры на одиннадцать минут и сорок две секунды. Потом Хейз обнаружил тебя за шкафом в ризнице.

— За шкафом была дверь.

— Нет.

— Я через неё прошёл.

— Дэниел.

— На мне был пепел. Проверьте состав.

Холт отвела взгляд.

— Проверили.

— И?

— Цезий, стронций, частицы бетона, два неизвестных

сплава и пыльца растения, вымершего в Британии после последнего ледникового периода. Отчёт забрали люди из министерства до того, как я успела сделать копию.

— Люди Локри.

— Я не знаю никакого Локри.

Она сказала это слишком быстро.

— Конечно.

— Ты временно отстранён. Оружие уже сдано. Будет внутреннее расследование, психиатрическая оценка и всё остальное, что положено, когда хороший полицейский входит в стену и возвращается с радиоактивной пылью.

Дэниел взял удостоверение.

— Это всё?

— Нет.

Холт достала фотографию. Девять детских лиц, распечатанных в три ряда. Дэниел знал их по делу. Под каждым имя и дата исчезновения.

Теперь лиц было десять.

В нижнем углу появилась девочка лет пяти с рыжими косичками. Эмма Хейнс, исчезла три года назад.

— Её не было, — сказал Дэниел.

— Кого?

Он указал.

— Эммы. В деле было девять детей.

Холт нахмурилась.

— Она была первой.

— Нет.

— Я разговаривала с её отцом.

— Пол Хейнс служит у нас водителем. У него нет детей. Холт побледнела.

— Кто такой Пол Хейнс?

Дэниел помнил мужчину: тяжёлый смех, татуировку якоря, привычку приносить на ночные смены домашний пирог. Помнил, как Пол за час до операции жаловался на сломанный бойлер. Помнил его голос по радио после того, как Вейн пробил внешний пост.

Но в памяти уже проступал другой рисунок. За рулём первой машины сидела женщина по фамилии Барлоу. Он видел её руки на руле. Слышал её крик.

Пол исчезал, пока Дэниел думал о нём.

Он закрыл глаза и повторил вслух:

— Пол Хейнс. Сорок один год. Водитель группы. Якорь на левом предплечье. Ненавидит изюм.

— Ты меня пугаешь, — тихо сказала Холт.

— Запишите имя.

— Зачем?

— Просто запишите.

Она не двинулась.

Дэниел сам взял ручку и написал на обороте фотографии: ПОЛ ХЕЙНС. Потом ниже: СУЩЕСТВОВАЛ.

Чернила на последнем слове на секунду стали бледными, затем снова потемнели.

— Я должен уйти, — сказал он.

— Ты под наблюдением.

— Тогда наблюдайте внимательно.

Он оторвал датчики и встал.

В коридоре его уже ждал Сэмюэл Локри. В одной руке он держал пальто Дэниела, в другой — пластиковый стаканчик с оставшимся виноградом.

— Я же говорил, кислый, — сказал он и выбросил стаканчик в урну.

— Где дети?

— Первый разумный вопрос за сегодня.

— Не испытывайте меня.

— Уже поздно. Испытание началось в тот момент, когда ваш предок надел Перстень.

Локри протянул пальто.

Дэниел не взял его.

— Майор Майчус велела спросить, кого именно вы называете «нами», когда говорите, что хотите нас спасти.

Старик замер.

Всего на мгновение, но этого хватило.

— И что вы ответите? — спросил Дэниел.

Локри посмотрел на людей в коридоре: медсестру с тележкой, старика под капельницей, мальчика, который спал на плече у матери.

— Тех, кого ещё можно спасти, — сказал он.

— А тех, кто живёт в её времени?

— Их время не должно наступить.

— Они уже живут.

— Для нас — ещё нет.

Дэниел вспомнил серые глаза за забралом и жетон с будущей датой смерти.

— Плохой ответ.

— Другого у меня нет.

Локри снова протянул пальто.

На этот раз Дэниел взял.

— Я не работаю на Ватикан.

— Прекрасно. Я тоже стараюсь делать это как можно реже.

— Я найду детей. Потом уйду.

— Разумеется.

— И если вы солгали...

— Вы застрелите меня. — Локри кивнул на перевязанную ладонь. — Если Перстень разрешит.

ГЛАВА 4

Наследники конца света

Когда дверь закрылась, Наташа забыла цвет глаз деда.

Не постепенно. Ещё секунду назад она видела его лицо — бледное от потери крови, растерянное, упрямое, моложе, чем на единственной семейной фотографии. Потом на месте глаз остались два серых пятна. Можно было вспомнить их

форму, но не цвет.

Волна шла быстро.

— Майор!

Сержант Рук стрелял с пролома в стене. Белые трассы прошивали пепел. Рядом с ним двое бойцов тянули кабель из катушки, устанавливая дуговой заслон. За их спинами мигал зелёный огонь бронетранспортёра.

— Отходим! — крикнула Наташа.

Она выстрелила в существо, выбиравшееся из-под камней. Заряд ушёл выше. Тварь дёрнулась, но не упала.

Наташа промахнулась.

Такого не случилось семь лет.

Она выстрелила снова, теперь в голову. Существо рухнуло. Остальные остановились у невидимой границы — кабель на земле зашипел, между электродами поднялась синяя дуга. Воздух запах озоном и палёной шерстью.

Рук подбежал к Наташе.

— Это был он?

— Кто?

— Урд.

Имя осталось. Хорошо.

— Он.

— Вы отдали ему метку?

Наташа коснулась пустого места на груди.

— Да.

— Совет приказал не передавать предметы до рождения

носителя.

— Пусть Совет придёт сюда и заберёт её у него.

Рук посмотрел на запечатанную дверь. От церкви остался только кусок алтарной стены, но чёрные доски стояли вертикально, не опираясь ни на что. Между ними пробежали тусклые красные жилы.

— Вейн?

— Ушёл к восточному коллектору. Он ранен.

— Пошлю группу.

— Не догоним. Он хотел, чтобы Уорд прошёл порог. Всё остальное было представлением.

— Зачем?

Наташа посмотрела на собственный пистолет. На спусковой скобе остался след от пули Дэниела — маленькая светлая вмятина. Стрелял он с тридцати шагов, одной рукой, в толпе голодных. Если бы не отвёл ствол в последнюю долю секунды, пуля вошла бы под забрало.

— Проверял кровь, — сказала она.

За их спинами кто-то закричал.

Крик был коротким, человеческим. Бойцы развернулись, поднимая оружие. Никакого нападения не было. У бронетранспортёра на коленях стоял капрал Беккет и держался за голову.

— Где Джим? — повторял он. — Где Джим? Он только что был здесь.

Рядом лежала бухта кабеля. Второй её конец тащился по

земле сам по себе.

Наташа знала, что кабель устанавливали двое. Видела две фигуры. Но имени второго бойца не помнила.

— Никого с тобой не было, — сказал Рук.

— Был! Джим держал катушку. Рыжий, из северной роты. У него сестра в тепличном блоке.

— У нас нет северной роты.

На форме Беккета проступило тёмное пятно — кровь пошла из носа. Он попытался подняться и снова упал.

Наташа схватила его за разгрузку.

— Полное имя.

— Джим О'Нил.

— Повтори.

— Джим О'Нил.

— Год рождения.

— Семьдесят шестой. Родился в бункере Уитби. Переведён к нам после... после...

Лицо Беккета опустело.

— После чего?

— Я не знаю никакого Джима.

Он посмотрел на собственные руки, не понимая, почему стоит на коленях.

Наташа отпустила его.

Кабель всё ещё был размотан на двоих.

— Волна, — сказал Рук.

— Вижу.

— Что они изменили?

— Пока мелочь. Человек не родился.

Рук посмотрел на пустой конец кабеля.

— Для него не мелочь.

Наташа подняла с земли карабин Дэниела. Магазин был пуст. На корпусе — герб полиции Корнуэвика, серийный номер, наклейка с датой проверки. Обычная вещь из мира, где заводы выпускали миллионы одинаковых деталей и люди выбрасывали исправные приборы, потому что появлялись новые.

В её времени за такой металл могли убить.

— Забираем оружие, — приказала она. — И все записи с визоров. Если волна доберётся до архива, сделаем копию на бумаге.

— Бумага тоже меняется.

— Тогда вырежем на камне.

— Камень меняется.

Наташа посмотрела на него.

— Рук.

— Да, майор?

— Найдите мне хоть что-нибудь вечное и вырежьте на нём имя Джима О'Нила.

• • •

Подземный Корнуэвик начинался там, где старый город когда-то заканчивался.

После Первого удара люди прятались в метро, коллекто-

рах и парковках. После Прорыва выяснилось, что железобетон защищает не только от радиации. Стены обшили свинцом, тоннели перегородили шлюзами, станции соединили с церковными криптами. За семьдесят лет убежища стали улицами. Здесь появлялись на свет, учились, женились, старели и умирали люди, которые никогда не видели открытого моря, хотя жили в миле от него.

У шлюза Наташу ждали дети.

Трое — в одинаковых серых комбинезонах, с планшетами дозиметристов. Старшей, Мэй, было двенадцать. Она держалась серьёзно, пока Наташа проходила очистку, но глаза всё время возвращались к старому полицейскому карабину в руках Рука.

— Он оттуда? — спросила она.

— Из прошлого, — ответил Рук.

— Настоящего прошлого?

— Поддельного не держим.

Дети засмеялись. Наташа сняла шлем. Дезинфекционный туман осел на коротких тёмных волосах.

— Показатели? — спросила она.

Мэй поднесла дозиметр к её броне.

— В пределах выездной нормы. На левом рукаве споры.

Бета — два и восемь. Кровь не ваша.

— Молодец.

— Небо там какое?

— Серое.

— А в прошлом?

Наташа вспомнила мгновение за дверью: окно ризницы, мягкий утренний свет, дождь на целой крыше. Мир, который принимал себя как должное.

— Не видела.

Мэй не поверила, но спорить не стала.

За шлюзом начинался жилой блок. В бывшем автомобильном тоннеле горели полосы искусственного света. По центральному проходу тянулись трубы отопления и грядки с низкой фасолью. На стенах дети рисовали мелом то, чего не знали: солнце с прямыми лучами, зелёные деревья, дома с трубами, из которых шёл совершенно безопасный дым.

В алькове у столовой музыкант играл на скрипке, собранной из пластика и старого дорожного знака. Пахло грибным супом.

Дэниел назвал бы это лагерем беженцев. Сэмюэл Локри — ошибкой, которую следует исправить.

Для Наташи это был дом.

В архиве её встретила доктор Аша Белл. Невысокая, седая, в очках с одной круглой и одной прямоугольной линзой. Перед ней на столе лежали три раскрытые книги, два терминала и кусок церковной плиты.

— Вы столкнулись с волной, — сказала Белл вместо приветствия.

— Джим О'Нил. Рыжий, северная рота, семьдесят шестой год. Запишите.

— Северной роты не существует.

— Уже знаю.

Белл взяла карандаш. На чистой странице вывела имя. Несколько секунд буквы оставались чёрными, потом «О'Нил» расплылось, словно бумагу намочили.

— Быстрая, — сказала она. — Очаг не дальше пятнадцатого века. Возможно, ближе.

— Почему?

— Более ранняя перемена шла бы дольше и ударила сильнее. Где метка?

— У Уорда.

Белл перестала писать.

— Вы отдали ему собственный смертный жетон?

— Он открывает двери.

— Он фиксирует вас в линии, где вы умерли сегодня.

— Именно. Пока жетон рядом с ним, эта версия моей смерти существует в его времени. Значит, меня сложнее стереть здесь.

— Или легче убить там.

— Проверим.

Доктор сняла очки.

— Наташа, это ваш дед, а не лабораторная мышь.

— Я видела его две минуты. Мышей знаю дольше.

— Вы ждали этого всю жизнь.

— Я ждала человека с фотографии. На фотографии ему семьдесят четыре, он улыбается и держит меня на руках. Се-

годня я встретила полицейского, который едва не прострелил мне лицо.

— В семейной записи сказано, что он исчез за двадцать лет до вашего рождения.

— В одной записи. В другой — растил мою мать. В третьей его застрелили в больничном коридоре. Поэтому я и не люблю семейные предания.

Белл потёрла переносицу.

— Что сделал Перстень?

— Назначил меня целью. Уорд сопротивлялся.

— Уверены?

— Пуля попала в скобу, а не в глаз. Он не промахивается.

— Значит, договор уже действует.

— Или Вейн хотел, чтобы мы так подумали.

Наташа положила на стол модуль записи с визора. Белл подключила его к терминалу. Появилось дрожащее изображение: руины церкви, стоя, открытая дверь. В проёме стоял Дэниел.

Лицо было размыто.

Не из-за помех. Камера чётко показывала камни и кровь на его рубашке, но черты человека не удерживались. В одном кадре он был молодым, в следующем — стариком, затем женщиной с короткими волосами. На несколько долей секунды в дверном проёме вообще никого не оказалось.

Белл прокрутила запись назад.

— Его линия не закреплена.

— Что это значит?

— В обычной истории он должен был умереть сегодня у церкви. Вейн провёл его через порог и создал развилку. Теперь Уорд существует сразу в нескольких возможных биографиях. Пока одна не победит.

— Можно определить, какая?

— Если хотите подождать семьдесят лет.

Сигнал тревоги раздался во всём блоке. Три коротких, один длинный — хронологическое вторжение.

Наташа надела шлем.

На главном экране архива появилась карта Корнуэвика. Пять церковных точек мигали белым. Над Старой церковью свет погас. Загорелась другая — Новая церковь, находившаяся к западу, на месте бывшего монастыря.

Рядом возникла дата: 18 октября 1453 года.

— Кто открыл? — спросила Наташа.

Белл вызвала спектр следа. Четыре цвета наложились друг на друга: синий Таймкопов, золотой Рыцарей, красный Легионеров и чёрный, который система не смогла подписать.

— Все, — сказала она.

— Так не бывает.

— Теперь бывает.

Карта дрогнула. В жилом блоке на секунду погас свет. Когда лампы включились, одна из нарисованных детьми картинок изменилась: вместо солнца над домом висело чёрное кольцо.

Наташа смотрела на него, пока не поняла, что доктор что-то говорит.

— Повторите.

— В тысяча четыреста пятьдесят третьем появился Вейн. И ещё один человек с вашей генетической меткой.

— Кто?

— Робин Уорд. В архиве он проходит как Робин Лучник.

Наташа закрыла глаза.

Так начиналась каждая версия семейной легенды. С человеком, который не умел промахиваться, и с выстрелом, которого никто не хотел.

— Поднимайте группу, — приказала она.

— Совет запретил переходы до конца волны.

— Совет существует благодаря людям, которых эта волна стирает.

— Ваша задача?

Наташа посмотрела на Дэниела в дверном проёме — то молодого, то старого, то несуществующего.

— Сохранить ошибку, из которой мы родились.

Через десять минут у восточного шлюза выстроились шесть Солдат Апокалипсиса. Рук проверял оружие, Беккет молча наматывал на рукоять ножа полоску бумаги. На ней было написано имя, которое он уже не помнил.

Мэй принесла Наташе новый дозиметр.

— Вы идёте в прошлое?

— Да.

— Там красиво?

Наташа застегнула бронепластину.

— Там всё ещё можно потерять.

— Это не ответ.

— Это единственный честный.

Она почти улыбнулась, услышав в собственном голосе Люкри.

Потом шлюз открылся, и шестеро солдат пошли к церкви, которой в их времени не существовало.

ГЛАВА 5

Стрела Робина

В октябре 1453 года в Корнуэвике было легче купить человеческую кость, чем сухие дрова.

Кость доставалась бесплатно после каждой лихорадки. За дрова просили три пенса связка, а если дождь шёл дольше недели — четыре. Поэтому на Рыночной площади жгли сложенные телеги, старые ставни и однажды, по слухам, целую часовню. Господь не покарал горожан. Возможно, решил, что без крыши они и так достаточно наказаны.

Элис Харроу стояла под навесом красильщика и следила за человеком в чёрном.

Дождь стекал с полей его шляпы, но сукно плаща оставалось сухим. Уже одного этого хватило бы, чтобы вызвать подозрение. Люди Корнуэвика мокли с рождения и до могилы.

Сухим в такую погоду мог быть только святой, колдун или чужеземец с большим кошельком.

Элис не верила в святых, колдунов выслеживала по долгу, а кошелька у незнакомца не видела.

Зато видела мальчика.

Он шёл рядом с человеком, не поднимая головы. Лет шесть, босой, в короткой синей одежде из ткани, которую Элис не могла узнать. На груди белело изображение улыбающегося зверя с круглыми ушами. Мальчик дрожал, хотя плащ незнакомца прикрывал его плечи.

— Не местный, — сказал торговец за спиной Элис.

Она обернулась. Старик-красильщик перестал мешать чан и тоже смотрел на ребёнка.

— Почему?

— Ноги чистые.

Действительно. Мальчик прошёл половину площади по грязи, но ступни оставались чистыми, будто земля не решалась к нему прилипнуть.

Человек в чёрном остановился у мясных рядов и оглянулся.

Его лицо Элис видела дважды. Первый раз — на рисунке в тайном архиве отца Уилсона. Второй — вчера, в подвале дома, где нашли трёх мёртвых женщин и дверь, открывавшуюся в каменную стену. Там он назвался братом Лазарем.

Сегодня на его правой руке не хватало мизинца.

В архиве палец был на месте.

Элис опустила взгляд, словно выбирала моток шерсти. Под коричневым платьем давила на рёбра короткая кольчуга. Меч висел вдоль бедра, скрытый складками плаща. Отец Уилсон считал, что женщина с оружием вызывает слишком много вопросов. Элис отвечала, что женщина без оружия часто не успевает услышать ни одного.

Брат Лазарь повёл мальчика к западной улице.

Элис бросила красильщику монету.

— Если кто спросит, меня здесь не было.

Старик поймал пенни, попробовал на зуб.

— За два пенса вас не было бы дольше.

Она добавила второй.

— Никогда вас не видел, — заверил он.

Через минуту Элис уже шла за незнакомцем.

Рыночная площадь переходила в улицу Мясников. Под ногами текла красная вода. Из окон высывались женщины, лавочники ругались с подмастерьями, на углу проповедник обещал скорый конец света. После известия о падении Константинополя такие проповедники появлялись каждый день. Они расходились только в дате.

Мальчик споткнулся. Лазарь поддержал его за плечо.

— I want my mum, — сказал ребёнок.

Слова были английскими и всё же неправильными: короткими, сглаженными, словно их много поколений перекачивали во рту. Элис поняла только «мать».

— Скоро, Томас, — ответил Лазарь на том же странном

наречии. — Твоя мать родится больше чем через пятьсот лет.

Мальчик заплакал.

Элис перестала сомневаться.

Они свернули к монастырской стене. Здесь было тише. Война во Франции закончилась, но город ещё жил среди вернувшихся солдат. Люди без хозяина и жалования спали в конюшнях, продавали доспехи, нанимались выбивать долги. У ворот бывшего приюта стояли трое таких — в ржавых нагрудниках, с алебардами. Один узнал Лазаря и открыл калитку.

Элис прошла мимо, не замедляя шага. За углом нырнула в проход между домами, перелезла через низкую стену и оказалась в саду приюта.

Когда-то монахини выращивали здесь шалфей и иссоп. Теперь грядки заросли крапивой. Здание пустовало после мора, а часовню выкупил неизвестный благодетель — тот самый, которого никто из городских служащих не сумел описать одинаково.

За мутным окном двигались свечи.

Элис сняла плащ, вытащила меч и обмотала клинок тканью, чтобы не звякнул о пряжку. Кольчуга доходила до середины бедра. Её изготовили для мальчика-пажа, умершего раньше, чем он успел вырасти. На Элис она сидела тесно в груди и свободно в плечах, но спасла жизнь уже дважды.

Третий раз мог наступить сегодня.

— Я бы не входил через окно, — сказал голос сверху.

Элис вскинула меч.

На ветке старой яблони лежал мужчина в зелёно-буrom плаще. Сапог свисал почти над её головой. В руке он держал лук, на поясе — колчан и длинный нож. Лет тридцать, тёмная борода, волосы перевязаны кожаным шнурком. Лицо красивое ровно настолько, чтобы ему доверяли люди, которых он собирался обмануть.

— Слезай, — тихо приказала Элис.

— Тогда ты меня увидишь.

— Я уже вижу.

— Но сверху я кажусь благороднее.

— Слезай, Робин.

Он вздохнул и бесшумно спрыгнул на землю.

— Вдова Харроу. Слышал, ты служишь попам.

— Слышала, тебя повесят.

— Обо мне всегда говорят в будущем времени.

— Что ты здесь делаешь?

— Смотрю, как человек в дорогом плаще заводит ребёнка в пустой монастырь. В отличие от церкви, я интересуюсь настоящими грехами.

— Ты интересуешься серебром.

— Одно другому не мешает.

Элис приблизила клинок к его горлу.

— Уходи.

Робин не отступил. Посмотрел на лезвие, потом ей в глаза.

— В часовне восемь человек. Трое у двери, двое за алтарём, ещё двое на хорах. Восьмой — твой сухой господин. У двоих арбалеты. Ты умеешь считать до восьми или церковь разрешает женщинам только до семи?

— Девятый — мальчик.

Улыбка исчезла.

— Значит, идём вместе.

— Нет.

— Тогда я войду первым и испорчу тебе тайное дело.

— Зачем тебе мальчик?

Робин пожал плечами.

— Он плачет.

Это был глупый ответ. Элис поверила ему больше, чем поверила бы клятве.

Она убрала меч.

— На счёт три отвлечёшь тех, что у двери.

— Я не умею считать до трёх. Только до семи.

— Тогда стреляй, когда начнётся.

— Что начнётся?

Из часовни донёсся колокол.

Не звон. Один низкий удар, от которого задрожала вода в бочке. Яблоня сбросила последние листья. В стене приюта проступила вертикальная трещина.

— Это, — сказала Элис.

• • •

Они вошли через крышу.

Робин знал проход на чердак, потому что однажды крал у приюта свинец. Элис не стала спрашивать, сколько дождей теперь пролилось на головы сирот из-за его предприимчивости. Сирот всё равно давно не было.

Сквозь дыру в потолке часовня казалась маленькой и слишком яркой. На полу горели десятки свечей, расставленных в четыре круга. Между кругами чёрной краской провели линии. В центре стоял каменный стол, на нём лежал мальчик в синей одежде. Он не двигался.

Лазарь снял плащ. Под ним оказалась белая монашеская ряса без единого пятна. Вокруг стола стояли семеро наёмников. Те, что на хорах, держали арбалеты, но смотрели вниз, на ребёнка.

— Он жив? — шепнул Робин.

Элис кивнула. Грудь мальчика поднималась.

Лазарь положил возле его головы чёрное кольцо.

Перстень был широким, грубо отлитым, с тремя зубцами вместо камня. Даже сверху Элис видела, как свечи отклоняют пламя от него.

— Узнаёшь? — спросил Робин.

— Нет.

Он слишком быстро отвёл взгляд.

— Врёшь, — сказала она.

— Я разбойник. Это моё ремесло.

Лазарь заговорил на латыни:

— Кровь без прошлого. Кровь без имени в этом веке.

Кровь, которую не позовёт ни один колокол.

Мальчик открыл глаза.

— Mum, — прошептал он.

Элис вытащила нож.

— Левый арбалетчик твой.

— Уже.

Стрела Робина ушла раньше, чем она закончила слово. Пролетела через дыру, ударила в верёвку, на которой висела лампа. Тяжёлый бронзовый светильник качнулся и сбил с ног обоих арбалетчиков.

Элис прыгнула.

Падение вышибло воздух. Она перекатилась по соломе, рассекла мечом линию чёрной краски и ударила ближайшего наёмника рукоятью в лицо. Свечи погасли в одном из кругов.

Лазарь даже не обернулся.

— Поздно, сестра Элис.

— Я не сестра.

— Пока.

Наёмник с алебардой шагнул между ними. Элис приняла древко на клинок, ушла под удар и полоснула мужчину по бедру. Он упал, зажимая ногу.

С хоров выругался Робин. Один из арбалетчиков выбрался из-под светильника.

Вторая стрела прибила его рукав к полу.

Третья ударила в запястье человека, тянувшегося к мальчику.

Робин не целился — по крайней мере так казалось. Он двигался по балке, стрелял вниз, и каждое движение заканчивалось ровно там, где должно. Стрелы не убивали. Одна пробила ремень шлема, ослепив наёмника металлом. Другая расколола рукоять меча. Третья застряла между камнями пола перед носком сапога.

Элис никогда не видела такой стрельбы.

Лазарь поднял Перстень.

Робин замер.

— Нет, — сказал он.

В часовне всё остановилось вместе с ним. Наёмники перестали кричать. Даже мальчик замолчал.

Лазарь надел кольцо на отсутствующий мизинец.

Перстень держался на пустоте.

— Договор помнит форму руки лучше, чем рука, — произнёс он.

Робин медленно вынул стрелу.

— Не слушай его, — сказала Элис.

— Я и не слушаю.

Но тетива натянулась.

Стрела смотрела на неё.

Элис подняла меч. Расстояние было слишком велико, чтобы отбить выстрел. Она знала это. Робин тоже.

— Цель названа, — сказал Лазарь.

— Нет, — выдохнул Робин. — Ещё нет.

— Для Крикса — нет. Для тебя — да.

Тетива скрипнула.

Элис увидела лицо Робина. Вся лёгкость исчезла. Он боролся не с чужой рукой и не с колдовством вокруг лука. С чем-то внутри собственного движения — с уверенностью, которая всегда приводила стрелу к цели.

— Стреляй, — сказала Элис.

Робин моргнул.

— Ты сошла с ума?

— Ты никогда не промахиваешься. Значит, выбери другую цель.

— Я не могу.

— Тогда впервые научись.

Лазарь повернул кольцо.

Робин выпустил тетиву.

Элис не успела увидеть стрелу. Она услышала удар у виска и почувствовала, как воздух шевельнул волосы. Позади звякнул металл.

Стрела прошла в дюйме от её головы и выбила Перстень из руки Лазаря.

Кольцо покатилося по каменному столу.

Лазарь посмотрел на пустой палец. Впервые его спокойствие нарушилось.

— Невозможно.

— Я тоже так думал, — сказал Робин.

Элис бросилась к столу.

Лазарь оказался быстрее. Не к Перстню — к мальчику.

Он схватил ребёнка за руку и полоснул маленькую ладонь ногтем. Кровь упала на камень.

Все четыре круга вспыхнули.

Стена за алтарём распахнулась, хотя двери там не было. За проёмом на миг возник город из стекла, залитый белым светом. По улице двигались железные повозки без лошадей. Потом картина сменилась: чёрные башни, пепел, люди в броне. Ещё раз: солнце над каменной дорогой и воины с овальными щитами.

Лазарь схватил Перстень.

Элис ударила его мечом. Клинок прошёл сквозь белую рясу, как через дым. На ткани не осталось разреза.

— До встречи в вашем будущем, — сказал он.

И шагнул в проём.

Робин выстрелил ему вслед.

Стрела вошла в дверь, но с другой стороны не появилась. Проём схлопнулся. Каменная стена содрогнулась и снова стала сплошной.

Кольцо исчезло вместе с Лазарем.

Мальчик остался на столе.

Элис подняла его. Он был лёгким, горячим от лихорадки. Обнял её за шею и заговорил на своём странном английском — быстро, сквозь слёзы. Она поняла только имя.

— Томас, — повторила Элис. — Ты Томас.

Мальчик кивнул.

Наёмники начали приходить в себя. Тот, чей рукав Робин

прибил к полу, сумел освободиться и потянулся к ножу.

Стрела вошла в камень между его пальцами.

— На сегодня чудес достаточно, — сказал Робин.

Снаружи зазвонил колокол монастыря. Затем другой. По улице приближались лошади.

Элис узнала ритм — три быстрых удара, два медленных. Рыцари Времени.

— Отец Уилсон, — сказала она.

— Тогда мне пора.

— Ты пойдёшь со мной.

— От предложений церкви обычно нельзя отказаться. Поэтому откажусь сейчас.

— Робин.

Он уже поднялся на хоры, но остановился.

— Откуда ты знал Перстень?

— Не знал.

— Он назвал имя Крикса.

Робин смотрел в отверстие крыши. Дождь падал на лицо.

— Крикс Меткий Глаз был отцом моего деда. По семейной сказке, он однажды встретил в лесу человека, который обещал сделать его лучшим лучником на свете.

— В обмен на что?

— В сказке об этом молчат.

— Ты целился в меня.

— Знаю.

— Почему?

Он посмотрел ей в глаза.

— Потому что на одну секунду хотел попасть больше всего на свете.

Элис крепче прижала мальчика.

— Но промахнулся.

— Нет. — Робин взглянул на стену, где исчез Лазарь. — Я попал в то, что выбрал сам.

Лошади остановились у часовни. Послышался голос отца Уилсона, отдающего приказы.

— Найди меня у Первого креста после заката, — быстро сказала Элис.

— Зачем?

— Если Лазарь вернётся, он снова заставит тебя выбрать цель.

— И ты хочешь помочь?

— Я хочу узнать, кого ты убьёшь, если не помогу.

Робин усмехнулся, но глаза остались серьёзными.

— Вот теперь ты говоришь как церковь.

Он исчез на крыше.

Дверь часовни распахнулась. Вошёл отец Уилсон — высокий мужчина в пластинчатом нагруднике поверх чёрной рясы. За ним теснились шестеро вооружённых людей с белыми крестами на плащах.

Его взгляд прошёл по раненым, по рассечённому кругу и остановился на ребёнке.

— Ты опоздала, — сказал Уилсон.

— Я спасла мальчика.

— Но потеряла Перстень.

— Я не знала, что он здесь.

— Потому и опоздала.

Он подошёл к стене за алтарём, коснулся ладонью холодного камня.

— Кто прошёл?

— Брат Лазарь.

— Его так не зовут.

— Тогда скажите настоящее имя.

— У него нет настоящего имени.

Мальчик уткнулся лицом в плечо Элис. Уилсон посмотрел на синюю ткань, на улыбающегося зверя, на чистые ноги.

— Из какого он времени?

— Не знаю.

— Значит, нельзя оставлять его здесь.

Элис почувствовала, как напряглось маленькое тело.

— Он ребёнок.

— Он перемена. Каждый день его жизни в нашем веке создаст людей, которых не должно быть, и уничтожит тех, кто должен родиться.

— Что вы предлагаете?

Уилсон ничего не ответил.

Этого было достаточно.

Элис отступила на шаг.

Рыцари у двери положили руки на мечи.

И тогда в каменной стене за спиной Уилсона проступила чёрная щель.

Сначала тонкая, как след от ножа. Потом шире. Из неё пахнуло холодом, железом и пеплом.

Отец Уилсон обернулся.

Дверь открылась.

На пороге стояли шестеро людей в серой броне. У женщины впереди оружие смотрело прямо ему в грудь.

— Отойдите от моего предка, — сказала Наташа Майчус. Элис не поняла ни одного слова.

Но угрозу перевода не требовалось.

ГЛАВА 6

Последний римлянин

Марк Элий Варрон видел, как умирает Рим, и больше всего его раздражало, что Рим этого не замечал.

Из столицы приходили приказы взимать налоги с разорённых вилл. Из Галлии присылали чиновников, которым требовалась охрана, но не присылали солдат для самой охраны. На монетах император сохранял молодой профиль, пока в Британии старели дороги, осыпались стены и целые гарнизоны исчезали вместе с жалованьем.

В тот день Марк стоял на северной башне Корнувиума и смотрел, как горят три фермы за рекой.

— Скотты? — спросил молодой знаменосец.

— Слишком далеко от моря.

— Саксы?

— Слишком мало кораблей.

— Тогда кто?

— Голодные люди.

Знаменосец не нашёлся что ответить. Римские офицеры учили его названиям врагов, их оружию и боевому строю. Враг без названия пугал сильнее.

На дороге к городу появились беженцы. Женщины толкали тележки, дети несли узлы, мужчины оглядывались на дым. Стража у ворот проверяла каждого — искала оружие и знаки культа. За последние недели в Корнувиум дважды пытались пронести отрезанные детские ладони.

Марк поправил плащ. Ветер тянул с запада дождь.

— Закрывать ворота до темноты, — приказал он. — Семьи впустить. Одиноких мужчин держать во внешнем дворе, пока не назовут поручителя.

— А если не назовут?

— Накормить и выставить утром.

— Совет велел не тратить зерно на чужих.

— Пусть совет сам стоит у ворот, когда чужие вернутся с топорами.

Знаменосец кивнул и побежал вниз.

Марк задержался. За рекой пламя на одной из ферм вдруг вытянулось в тонкую чёрную полосу. На мгновение оно образовало кольцо. Потом ветер разрушил рисунок.

На груди под одеждой нагрелся бронзовый диск.

Иоанн звал его.

• • •

Молитвенный дом стоял рядом с бывшими банями. Когда-то здесь хранили полотенца и масло, потом крыша провалилась, а христиане выкупили здание у города за сумму, о которой предпочитали не говорить. Они заложили лишние двери, поставили деревянный алтарь и нарисовали на стене рыбу. Под полом по-прежнему шли трубы гипocausta, хотя печи давно не топили.

У входа Марк снял меч. Не из почтения — Иоанн не терпел оружия возле алтаря и при этом держал под скамьями шесть копий.

Внутри ждали пятеро. Все в дорожных плащах, без знаков гарнизона. Марк служил с ними третий год, но горожане считали их писцами, землемерами и церковными сторожами. Только в шутку они называли себя легионерами. Настоящий легион покинул Британию раньше, чем родился младший из них.

Иоанн Вертокрикс стоял у алтаря.

Высокий бритт с седой бородой носил римское имя, греческую веру и кельтскую привычку ничего не забывать. Формально он был пресвитером и советником наместника. На деле командовал людьми, охранявшими Корнувиум не от саксов.

Перед ним на столе лежала человеческая рука.

— Надеюсь, не моя, — сказал Марк.

— Пока нет.

У руки не хватало мизинца. Срез был старым, заросшим. Кожа оставалась тёплой.

— Где нашли?

— В запечатанной урне под храмом Митры. Рабочие вскрыли кладку после землетрясения.

— Эта рука не могла лежать там долго.

— Урне двести лет. Смоле на печати столько же. Рука умерла сегодня.

Марк не стал касаться находки.

— Чья?

Иоанн развернул кусок льна. На нём углём был отпечатан знак: четыре круга на одной линии.

— Человека, который приходил через порог прошлой зимой.

— Аластар.

— Так он назвался.

Марк вспомнил переводчика с севера: бледного, учтивого, говорившего на латыни без местного выговора. Он предупреждал о нападении пиктов и оказался прав. Потом исчез из запертой комнаты, оставив на столе монету с лицом неизвестной королевы.

— Мы убили его? — спросил Марк.

— Возможно, ещё убьём.

— Терпеть не могу ваши глаголы.

— В этом ты похож на Локри.

— На кого?

— На человека, которого ты не встречал. И лучше бы не встретил.

Иоанн накрыл руку тканью.

— Сегодня открылся западный порог. Сразу в трёх временах.

Один из людей у стены перекрестился. Другой коснулся амулета с изображением волчицы.

Марк не сделал ни того ни другого.

— Куда ведёт?

— В век, который называет себя тысяча четыреста пятьдесят третьим годом от рождения Христа.

— Они всё ещё считают годы?

— Это единственное, чего люди не перестают делать.

— Что там?

Иоанн посмотрел на пламя масляной лампы. Оно клонилось к западной стене.

— Артефакт. Перстень, посвящённый Владыке Мух. В нашем времени он ещё не нашёл носителя. В том веке должен быть уничтожен. Кто-то пытается изменить это.

— Почему нас заботит вещь, которую уничтожат через тысячу лет?

— Потому что уже не уничтожили.

Иоанн поднял с алтаря маленький кожаный мешок и высыпал содержимое на ладонь. Там лежали три зуба, кусок

чёрного металла и римская монета. На денарии вместо императорского профиля проступило лицо с пустыми глазницами.

— Этой монеты вчера не было в казне, — сказал он. — Сегодня она была всегда. Двое писцов помнят, что занесли её в список десять лет назад. Я помню прежний список.

— Волна.

— Да.

Марк подошёл к стене, где христиане нарисовали рыбу. Под слоем штукатурки просвечивали более древние краски: красная нога Дианы, часть охотничьего лука. Одно святилище поедало другое, не сумев уничтожить до конца.

— Если мы вернёмся раньше, — сказал он, — можно не допустить появления Перстня.

— Можно.

— И Аластара.

— Возможно.

— Тогда почему мы идём в поздний век, а не к началу?

Иоанн долго молчал.

— Потому что один из людей, создавших пороги, считал: история принадлежит тем, кто живёт позже. Он поставил замок. Из нашего времени мы можем двигаться только вперёд.

— Мудрый человек.

— Он жил в двадцать первом веке.

— Тогда варвар.

— Разумеется.

Марк улыбнулся, но мысль уже зацепилась. Поздние века видели их время прошлым и, вероятно, считали себя хозяевами всего, что было раньше. Так человек считает себя хозяином мёртвого отца, потому что получил дом.

— Что нам разрешено изменить? — спросил он.

— То, что сохранит империю.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Империю или мир?

— Без Рима это одно и то же.

Марк снова посмотрел на чёрную монету. В детстве он тоже верил, что дороги существуют только там, где прошёл легион. Потом увидел старые тропы в горах, проложенные за века до Цезаря.

— А люди поздних времён? — спросил он. — Если мы сохраним Рим, они останутся?

Иоанн опустил взгляд.

— Другие останутся.

— Значит, эти умрут.

— Нельзя умереть, если не родился.

— Скажите это матери до родов.

В помещении стало тихо. Люди у стены смотрели на Марка. Он понимал, что перешёл границу, но не знал, где её провели — между солдатом и командиром или между верой и сомнением.

Иоанн взял мешок.

— Когда-нибудь ты станешь хорошим христианином,

Марк.

— Мне нравится выбор богов. Он позволяет откладывать решение.

— Сегодня выбирать не придётся. Твоя задача — войти в порог, найти Перстень и принести сюда.

— А если его держит человек?

— Принеси руку.

Марк посмотрел на завёрнутую конечность на столе.

— Теперь надеюсь, что всё-таки мою.

• • •

Порог находился под полом бывших бань.

Иоанн открыл каменную плиту, и легионеры спустились в служебный коридор. Здесь пахло влажным кирпичом и старым дымом. Узкий ход вёл к печи гипocausta, за которой строители обнаружили стену из чёрного камня. В центре стояла дверь.

Не римская. Не бриттская. Доски были старше железных гвоздей, но на них не было гнили.

Марк надел кольчужную рубаху, закрепил овальный щит и проверил спату. Остальные сделали то же. Шестеро людей — меньше пограничного дозора, больше похоронной процессии.

Иоанн коснулся его плеча.

— В позднем веке будут христиане. Не обнажай меч первым.

— А если они обнажат?

— Убедись, что они христиане.

— Как?

— Они скажут, что пришли с миром, и ударят тебя.

Марк взял железную скобу.

— А варвары?

— Ударят молча.

Дверь открылась на залитую свечами часовню.

Марк увидел вооружённых людей в средневековых доспехах. У алтаря стояла женщина с мальчиком на руках. Напротив неё — шестеро серых великанов, заключённых в гладкую броню без застёжек. Их оружие не походило ни на луки, ни на арбалеты.

Седой священник у стены обернулся к Марку.

На хорошей, хотя и грубой латыни произнёс:

— Легионеры. Только вас не хватало.

— Мы пришли с миром, — ответил Марк.

Священник выхватил меч.

Иоанн, как всегда, оказался прав.

ГЛАВА 7

Добрые люди

Штаб Полиции Времени располагался под магазином церковных сувениров.

Дэниел ожидал тайного бункера, швейцарской лаборатории или по меньшей мере монастыря с вооружёнными мо-

нахами. Вместо этого Локри привёз его к собору Всех Святых, провёл мимо полок со свечами, открытками и фигурками апостолов, затем постучал по голове деревянного святого Христофора.

Стена сдвинулась.

— Механизм четырнадцатого века? — спросил Дэниел.

— Две тысячи пятого. Установщик смотрел слишком много фильмов.

За стеной находился лифт. Локри приложил ладонь к панели, назвал себя на латыни и добавил код из шести цифр.

— Зачем имя, отпечаток и код?

— Чтобы человек чувствовал себя в безопасности, пока не поймёт, что лифт вызывается обычной кнопкой.

Кабина пошла вниз.

Дэниел всё ещё был в больничных брюках и своей рубашке, застёгнутой не на те пуговицы. Перевязанная ладонь плохо сгибалась. В кармане лежала фотография десяти пропавших детей, на обороте которой он каждые несколько минут перечитывал собственную надпись: ПОЛ ХЕЙНС. СУЩЕСТВОВАЛ.

Имя уже ничего не вызывало.

Он знал, что должен помнить человека. Помнил знание, но не самого Пола: как пустая рамка на стене, где долго висела картина.

— Сколько ещё людей исчезло? — спросил Дэниел.

— Мы не знаем.

— Удобно.

— Ужасно неудобно. Исчезнувших некому включить в статистику.

Лифт остановился.

Под собором был построен второй собор — из бетона, стали и кабелей. Центральный зал занимал пространство крипты. Между древними колоннами стояли стеклянные перегородки, мониторы, оружейные шкафы. Сотрудники в гражданском и чёрной форме двигались между столами. На стене светилась карта Корнуэвика, разделённая на четыре слоя. Улицы разных эпох накладывались друг на друга, как плохо совмещённые кости на рентгеновском снимке.

В центре карты мигала Новая церковь.

1453. 367. 2097. ТЕКУЩЕЕ ВРЕМЯ.

Все четыре надписи горели одновременно.

— Что случилось? — спросил Дэниел.

— Дверь потеряла приличия, — ответил Локри.

К ним подошла высокая женщина в чёрной форме. На воротнике — серебряная буква V, на поясе — пистолет и деревянные чётки. Она вручила Локри планшет.

— Одновременное раскрытие западного узла, — сказала она. — По ту сторону подтверждены Рыцари и Легионеры. Только что вошла группа Майчус.

— Сама майор?

— Да.

Локри посмотрел на Дэниела.

— Она не теряет времени. Профессиональный недостаток.

— Зачем они идут в пятнадцатый век?

Женщина ответила:

— За Робинот Лучником.

Дэниел почувствовал ту же тяжесть в правой руке, что перед выстрелом в Наташу. Пальцы сами согнулись, хотя оружия не было.

— Мой предок.

— Один из, — сказал Локри. — Семейные деревья редко растут прямыми, особенно когда их поливают ложью.

— Вы знали, что это произойдёт.

— Я знал, что произойдёт что-то. Если бы люди моего возраста могли точнее, они бы не покупали лотерейные билеты.

Локри повернулся к женщине.

— Дайте ему комплект.

— Он не принят на службу.

— Тогда комплект стажёра.

— Стажёрам не положено оружие.

— Поэтому они так редко доживают до оформления.

Женщина не улыбнулась.

— Сержант Уорд, майор София Кейн. Оружие применяете только по прямому приказу. Вы не знакомы с нашими средствами, правилами контакта и классификацией угроз.

— Тогда зачем я иду?

Локри ответил раньше неё:

— Потому что Перстень реагирует на вашу кровь, а Вейн заманивал вас к двери не ради приятной компании.

Кейн привела Дэниела к оружейному шкафу. Выдала лёгкий бронежилет без знаков, пистолет в кобуре, два магазина, гарнитуру и наручный прибор с четырьмя стрелками.

— Верхняя показывает удаление от исходного порога, — объяснила она. — Нижняя — силу волны. Левая — радиацию. Правая...

— Что?

— Если начнёт двигаться, не смотрите на неё.

— Полезная инструкция.

— Мы старались.

Она插入了 ему в ухо прозрачный вкладыш.

— Переводчик распознаёт среднеанглийские диалекты, позднюю латынь и основные бриттские наречия. Он не передаёт ваши слова собеседнику.

— То есть я пойму, как меня убивают, но не смогу возразить.

— Быстро учитесь.

Локри уже ждал у металлической двери в дальней части зала. За ней начиналась старая крипта: низкие своды, каменные саркофаги, запах воска. На месте алтаря стояла почерневшая деревянная дверь.

Возле неё двое сотрудников устанавливали приборы. Цифры на экранах менялись так быстро, что сливались в белые полосы.

— План? — спросил Дэниел.

— Войти, забрать Перстень, не допустить кровопролития, вернуть похищенного ребёнка, если он ещё жив, — перечислил Локри.

— Порядок важен?

— Перстень важнее.

— Для меня ребёнок.

— Поэтому я иду с вами.

— Чтобы остановить меня?

— Чтобы выбирать стало труднее.

Кейн встала слева от двери. Ещё двое Таймкопов заняли позиции сзади. Локри снял пиджак, аккуратно сложил на саркофаге и остался в белой рубашке с подтяжками. Кобура действительно была у него под мышкой.

— Как активируется переход? — спросил Дэниел.

— Сегодня? Похоже, желанием всех сторон совершить одну и ту же ошибку.

Локри потянул скобу.

Из часовни донёсся звон оружия.

— Вовремя, — сказал он. — Ненавижу пропускать начало драки.

• • •

Первым Дэниел увидел мальчика.

Тот был на руках у женщины в кольчуге. Синяя футболка, короткие штаны, голые ноги. На ткани — Микки-Маус. Мальчик плакал без звука, уткнувшись лицом в её плечо.

Всё остальное пришлось воспринимать частями.

Справа стояли люди в средневековых доспехах. Седой священник держал меч. Напротив — шесть Солдат Апокалипсиса, оружие поднято. Наташа была впереди, без шлема. У дальней стены выстроились римляне с овальными щитами. Мужчина с тёмными кудрями и короткой бородой говорил что-то на латыни.

Переводчик ожил с задержкой:

— ...с миром.

Священник ударил его мечом.

Римлянин принял удар на щит. Остальные сомкнули строй. Солдаты будущего навели стволы. Женщина с ребёнком прижалась к алтарю.

— Всем стоять! — крикнул Локри на латыни.

Несколько человек действительно замерли — скорее от удивления.

Наташа увидела Дэниела.

— Ты привёл его сюда? — спросила она.

— Он сам ходит, — ответил Локри.

— Пока.

Отец Уилсон — Дэниел догадался, кто это, — перевёл взгляд с Локри на пистолеты Таймкопов.

— Уберите дьявольское оружие из дома Божьего.

Переводчик превратил его английский в сухую современную фразу, потеряв половину ярости.

— Вы первый, отец, — сказал Локри на латыни. — Меч

тоже создавался не для молитвы.

— Ты привёл варваров из века машин.

— Я сам варвар из века машин.

— Это я вижу.

Римлянин у щита сказал:

— Если все здесь христиане, почему каждый целится в другого?

— Потому что каждый хочет спасти мир по-своему, — ответил Локри.

— Тогда вы не христиане. Вы политики.

Даже переводчик выдержал паузу.

Дэниел медленно убрал пистолет в кобуру и поднял пу-
стые руки.

— Мальчика зовут Томас? — спросил он женщину.

Она не поняла. Взгляд метнулся к Локри.

Тот перевёл на среднеанглийский. Женщина кивнула.

— Он сказал своё имя. Больше я почти ничего не разо-
брала.

— Томас Бреннан, — сказал Дэниел.

Лицо мальчика поднялось.

— You know my mum?

— Да. Знаю.

Это была ложь. Но на фотографии пропавших детей были близнецы Бреннан. Теперь Дэниел вспомнил одно имя: То-
мас. Второго ребёнка звали Молли.

Он сделал шаг.

Рыцари подняли мечи.

— Не подходи, — сказал Уилсон через Локри. — Ребёнок провёл в нашем веке достаточно, чтобы изменить будущее. Его возвращение создаст новую перемену.

— Он возвращается домой.

— Его дом уже существует без него.

— Благодаря вам?

— Благодаря воле Божьей.

— Если Богу понадобится помощь с шестилетним ребёнком, пусть попросит лично.

Уилсон не понял слов, но понял тон.

Наташа шагнула между ними.

— Ребёнок должен вернуться, — сказала она. — В моей линии его спасли сегодня.

— А если твоя линия исчезнет? — спросил Локри.

— Тогда ты исчезнешь раньше меня.

— Утешает.

— Где Перстень? — спросил Дэниел.

Женщина в кольчуге указала на стену.

— Лазарь унёс его через дверь.

Локри выругался на языке, которого переводчик не знал.

Наташа повернулась к нему.

— Он был здесь?

— Он назвал имя Крикса, — продолжила женщина. — И заставил Робина выстрелить в меня.

У Дэниела снова свело правую руку.

— Попал?

— В Перстень.

— Где Робин?

— Ушёл.

Уилсон резко сказал:

— Элис, замолчи.

Теперь Дэниел знал её имя.

Элис повернулась к священнику.

— Почему? Чтобы вы успели убить ребёнка до того, как остальные поймут?

Римляне зашевелились. Марк Элий Варрон опустил щит на несколько дюймов.

— Вы собирались убить мальчика? — спросил он на латыни.

— Он не принадлежит этому времени, — ответил Уилсон.

— Тогда и мы не принадлежим.

— Вы пришли по своей воле.

— Ребёнок всегда приходит в мир не по своей.

Уилсон поднял меч.

Одновременно крайний римлянин вскрикнул.

Чёрная нить выползла из раны у него на шее. Она была тонкой, как волос, и двигалась против крови. Солдат схватил её пальцами. Нить распалась на мух.

Сначала их было с десятков. Потом сотни.

Они вырвались изо рта раненого, из-под доспеха, из глаз. Римлянин упал, а над ним поднялось чёрное облако.

— Не стрелять! — крикнул Локри.

Поздно.

Один из Солдат Апокалипсиса выпустил заряд. Белая линия вошла в облако и ударила в стену. Камень взорвался. Рыцари бросились в стороны. Римляне сомкнули щиты. В часовне разом стало тесно от криков, дыма и лязга.

Мухи собрались в человеческую фигуру.

У неё не было лица, но голос принадлежал Вейну.

— Добрые люди, — сказала фигура. — Как легко вас привести в одно место.

Она протянула руку к Томасу.

Элис развернулась, закрывая мальчика собой. Мухи облепили её кольчугу. Она закричала.

Дэниел выхватил пистолет.

Тяжесть на спуске появилась сразу. Ствол потянуло не к фигуре — к Элис.

— Нет, — сказал он.

Палец сжимался.

Он опустил оружие и выстрелил в пол.

Пуля расколола каменную плиту перед его ногами. Боль прошла руку до плеча, словно Перстень наказал за неповиновение.

Марк ударил по облаку щитом. Мухи рассыпались и снова собрались у него за спиной. Наташа стреляла короткими зарядами, выжигая часть роя, но на место каждой сгоревшей мухи прилетали две из щелей в стенах.

— Это не тело! — крикнула она.

— Наблюдение достойно майора! — ответил Локри.

Он выстрелил вверх.

Пуля перебила цепь старого паникадила. Тяжёлая железная рама рухнула на чёрную фигуру, прижав её к полу. Мухи хлынули между прутьями.

— Временно, — сказал Локри. — Очень временно.

Дэниел добрался до Элис. Насекомые ползали по её волосам и лицу. Он сорвал со стены ткань, накрыл её голову, сбил мух ладонями. Томас цеплялся за её шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.